

Амин Ра – магистрант медичного інститута, Міжнародного гуманітарного університета

УДК115:141.131-022.344

ИДЕЯ ЦИКЛИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ: ПЛАТОН И ЦИЦЕРОН

В статье осуществлены выявление и интерпретация философских проекций идеи цикличности (на примере систем Платона и Цицерона) в контексте осмысления исторических подходов в решении проблемы течения времени и исторического процесса. Рассмотрены два платоновских варианта обоснования цикличности времени и, соответственно, истории: космологический и метемпсихический. Показано развитие модели циклического времени Платона в учении Цицерона.

Ключевые слова: циклическое время, линейное время, история, круговращение, сфера, метемпсихоз.

ИДЕЯ ЦИКЛІЧНОГО ЧАСУ: ПЛАТОН І ЦИЦЕРОН

У статті здійснені виявлення та інтерпретація філософських проєкцій ідеї циклічності (на прикладі систем Платона і Цицерона) в контексті осмислення історичних підходів у вирішенні проблеми перебігу часу і історичного процесу. Розглянуті два платонівські варіанти обґрунтування циклічності часу і, відповідно, історії: космологічний і метемпсихічний. Показано розвиток моделі циклічного часу Платона у вченні Цицерона.

Ключові слова: циклічний час, лінійний час, історія, колообіг, сфера, метемпсихоз.

THE IDEA OF CYCLIC TIME: PLATO AND CICERO

In the article the identification and interpretation of philosophical projections of the idea of cyclicity (on example of systems of Plato and Cicero) in the context of understanding the historical approaches to the solution of problem of flow of time and historical process are implemented. Two Plato's versions of the substantiation of cyclical time and thus of history: cosmological and metempsychosis are considered. The development of the model of cyclic time of Plato in the doctrine of Cicero is shown.

Key words: cyclic time, linear time, history, rotation, sphere, metempsychosis.

Многовековою філософський пошук суті і проявлених мирозданія неизменно приводить ищущего к одной из важнейших проблем – проблеме времени. К числу вечных вопросов темпоральной проблематики, актуальность которых будет сохраняться еще необозримо долгое время, относится вопрос о том, осуществляется ли течение времени в циклическом или линейном характере. В данной работе мы обратимся к первой из этих моделей – модели циклического времени, причем, наш интерес будет сфокусирован на ту ее проекцию, которая разрабатывалась в философии Древней Греции и Древнего Рима. Несмотря на значительное количество публикаций по проблеме античных представлений о цикличности времени и истории (выделим вышедшие в последние годы работы Н. Н. Никулиной, Г. Ольсена, В. М. Строгачева, Ю. Г. Чернышова), полагаем, что она по-прежнему несет в себе потенциал для новых артикуляций. Безусловно, эпоха античности явила конгломерат самобытных учений по интересующей нас тематике, однако, в силу лимитированности объема статьи, мы вынуждены будем ограничиться рассмотрением двух из них (греческого и римского) – платоновского и цicerоновского. Итак, целью статьи является выявление и интерпретация философских проекций идеи цикличности (на примере систем Платона и Цицерона) в контексте осмысления исторических подходов в решении проблемы течения времени и исторического процесса.

В эссе Х. Л. Борхеса «Циклическое время» (вошло в сборник «Письмена Бога») автором показаны три подхода в артикуляции циклического времени, сложившиеся в истории

религиозной и философской мысли (в двух из них Борхес ссылается на античных мыслителей). При этом все они фундированы концептуальным тезисом, озвученным Борхесом в свойственной ему манере поэтизации: «Я вечно возвращаюсь к Вечному Возвращению» [3, с. 92]. Первый подход (Борхес называет его астрологическим) [3, с. 92–93], восходящий к диалогам Платона и развитый затем в работах неоплатоников и Цицерона, имеет в своем основании космолого-механистическую установку о зависимости течения времени от круговращения небесных тел вокруг Земли. Второй вариант толкования цикличности времени и истории аргументирован математически, точнее, алгебраически (Ли Бо, Ф. Ницше) [3, с. 93–94]. Наконец, третий подход зиждется на идее повторяемости, однако фундированной не принципом тождественности, а принципом подобия (Гесиод, Гераклит, Хризипп, Сенека, Марк Аврелий, а также ряд философов Нового и Новейшего времени) [3, с. 94–96]. Далее, как и было анонсировано, мы обратимся к первому из показанных Борхесом подходов, представленному в работах Платона и развитому Цицероном.

В платоновском учении, в полной мере отображая традицию своего времени, понимание времени показано в рамках циклической его картины. Тем не менее, как справедливо отмечает Г. Ольсен, когда в «Протагоре» древнегреческий философ размышляет о вещах совершенно иного уровня, нежели космологические («Тимей»), в его мысли появляется историцизм иного плана и «...Платон может говорить и о линейном развитии» [5, с. 201]. Соглашаясь с этими доводами, обратимся, все же, к преимущественной линии платоновской мысли о времени – циклической. Платон использует два варианта обоснования цикличности времени и, соответственно, истории: космологический и метемпсихический (на фоне этого выглядит, по крайней мере, небесспорным предложенное Н. Н. Никулиной противопоставление базирующегося «...на идее цикличности и нисхождения человечества от золотого века к железному (Гесиод)» исторического пессимизма оптимизму и идее прогрессивности развития Платона, Аристотеля, Лукреция Кара [4, с. 411]). Первый вариант он вкладывает в уста Тимея (диалог соответствующего названия), а второй – Сократа («Федр»).

Установочным тезисом космологического понимания цикличности является положение о том, что созидание Космоса осуществлялось Демиургом по подобию совершеннейшей формы – формы сферы. Добился он этого, запустив созданную Вселенную в движение вращательного типа. Творец Вселенной сознательно не допустил в отношении мирового целого три пары родов движения («вперед-назад, вправо-влево, вверх-вниз» [6, с.425]), оставив из семи лишь «...тот, который ближе всего к уму и разумению..., а остальные шесть родов движения были устранены, чтобы не сбивать первое» [6, с.416]. Создав тело космического целого, он оживил полученный продукт помещением в его центр души, ставшей мировой по мере ее распространения внутри сферы и облачения оной извне. И поскольку Мировая душа пронизывает и объемлет собой все телесные объекты мироздания, то заложенная в нее потенция движения (Платон различает внешнее движение – «природу тождественного» и внутреннее движение – «природу иного», векторы вращения которых противоположны) устремляет таковые сообразно их предназначению. Демиург организовал и более частные виды движения в рамках самодвижущегося целого, что позволяло «...определять и блюсти числа времени» [6, с.420]. Эту миссию он реализовал через круговращение «семи светил», расположив их на разном отдалении от Земли. Будучи одушевленными, более того, наделенными способностью осознавать поставленные Богом-Творцом перед ними задачи (подчиненные общей цели устройства времени), небесные тела начали круговое движение вдоль «движения иного» и пересекая «движение тождественного».

Все временные циклы, образуемые движением тел, при сопоставлении числовых выражений их компонентов и выявлении соответствующих отношений, дают человеку представление о мерах времени. Так, соотношение дня и ночи создает суточный цикл, полный оборот Луны («...когда Луна совершает свой оборот и нагоняет Солнце...» [6, с.421]) – месячный цикл, а Солнца – годовой. Наконец, Платон отдает особую роль Земле, наделяя ее статусом «блюстительницы и устроительницы дня и ночи». Земля-Гея получает этот статус как

божество, происходящее, согласно древнегреческой мифологии, из династии старших богов первого поколения и потому являющееся одним из старейших и наиболее уважаемых.

Эти частные виды движения формируют так называемое «полное число времени полного года», т. е. некую циклическую систему вселенского времени, находящую свою завершенность «...тогда, когда все восемь кругов, различных по скорости, одновременно придут к своей исходной точке, соотносясь с мерой единообразно бегущего круга тождественного» [6, с. 421]. Древнегреческий мыслитель полагает, что условный «парад планет» достигается через уравнивание скоростей их вращения – это, в конце концов, приведет небесные тела к отправной точке. Это событие символизирует окончание одного цикла вселенского («совершенного») года и начало другого.

С цикличностью движения «светил» связывается и цикличность человеческой истории. Комментируя такое видение исторического процесса, уже в XVII в. Луцилио Вандини отмечает: «Вновь Ахилл отправится в Трою; вновь возникнут ритуалы и религии; повторится история человечества...» (*De admirabilis naturae arcanis*, 1616 г., диалог 52). Ему вторит британский медик и писатель Томас Браун, который в одном из примечаний к работе «*Religiomedici*» (1643 г.) буквализирует и визуализирует цикл «совершенного года»: «Платонов год – *Plato's years* – есть многовековой период, по истечению которого все вещи возвратятся к своему первоначалу, и Платон в Афинской школе вновь изложит эту доктрину» [цит. по: 3, с. 93].

Второй вариант обоснования цикличного характера времени и исторического процесса, метемпсихический, выводится из платоновских представлений о сущности души и круговоротах ее перерождений. Полагаем, что борхесовское ограничение платонизма рамками «астрологического», т. е. космологического, подхода в его показанной выше типизации подходов к проблеме цикличности, несколько однобоко и поверхностно именно по причине не обращения внимания на эту сторону платоновской мысли.

Платон пишет, что становление душ может осуществляться на двух основаниях. Если источником «вскармливания» душ выступает Божественная мудрость и красота, то они совершенствуются, их «крылья» крепнут, а если взращивание душ осуществляется на фундаменте безобразного и дурного – они деградируют, их «крылья» чахнут, вплоть до полной утраты. Бессмертные души богов (Платон в отношении души вводит образ колесницы, запряженной парой коней и управляемой возничим) способны относительно легко воспарять «к вершине по краю поднебесного свода» и созерцать «занебесную область» [7, с.217]. Эта легкость достигается благодаря тому, что оба «коня» (символ интенций души), а также «возничий» благородны и доблестны по своему происхождению. В иных же душах (в том числе людских) терзания гораздо более интенсивны, ибо один «конь», символизирующий склонность к божественному, благородному, входит в противоборство с другим, в котором олицетворена склонность к греховному, земному. Поэтому «возничему» (очевидно, подразумевается разумное начало души) чрезвычайно сложно управлять «колесницей».

Совершенствование человеческих душ (в отличие от душ божественных) чрезвычайно затруднительно. С огромным усилием «возничий» может приблизить «колесницу» к духовному миру, но далеко не всем это под силу. Стремление душ к божественному, истинному миру объяснимо достаточно легко, ведь именно ту душу, которой довелось приобщиться к истинному, будет сопровождать благодать до следующего цикла всемирного кругового движения, что, в свою очередь, есть залог ее невредимости. В противном же случае, если греховные склонности в ней возобладают, душа окажется во власти закона, не позволяющего ей вселяться в какое бы то ни было живое существо при первом рождении [7, с.218].

Из показанной картины вытекает, как уже было указано, метемпсихическое понимание цикличности времени и истории. Возвращение «потерявшей крылья» души из брэнного мира в мир, из которого она явилась, – мир вечный и истинный, невозможно ранее, чем через десять тысяч лет. Именно это время необходимо «среднестатистической» душе для «окрыления», что является необходимым условием ее возвращения в идеальный мир. Исключением является

душа философа – «человека, искренне любившего мудрость». Она способна завершить цикл своего совершенствования за три круговорота, каждый из которых насчитывает тысячу лет, причем, в случае, если все три цикла будут посвящены этому – самому возвышенному в градации видов земной жизнедеятельности – образу жизни. Каждый тысячелетний круговорот венчается судом, по решению которого одни души отбывают наказание в «подземных темницах», а другие получают более достойную жизнь, адекватную той, которую они провели в теле. Затем души входят в новый тысячелетний цикл, который может быть и нечеловеческим, ибо таковую форму (людского бытия) необходимо было заслужить.

Марк Туллий Цицерон, почитавший Платона превыше иных философов, в работе «О природе богов» обогащает модель циклического времени древнегреческого мыслителя. Размышляя о круговом движении космических тел, он упрекает некоторых современных ему философов (например, Веллея) в том, что они пытаются изыскать эталоны совершенства формы в таких фигурах, как конус, цилиндр или пирамида. Римский философ парирует это тем, что существуют формы (одна – объемная, другая – плоскостная), которые как раз и представляют собой идеальные объекты (первая – в рамках трехмерности, вторая – в рамках двухмерности) – шар и круг [10, с. 115]. В качестве аргументов в пользу своих суждений он приводит следующие. Во первых, каждая из этих «превосходнейших форм» «...заключает в себе все остальные фигуры, ...не имеет никакой шероховатости, никакой неровности, ни одного угла, о который можно порезаться, никаких надломов, ни одного выступа, ни одной впадины...» [10, с. 115]. Вслед за аргументом эстетическим звучит второй довод – геометрический, согласно которому именно в шаре и круге каждая крайняя точка равноотстоит от центра, кроме того, любой сегмент, полученный в результате сечения (в отношении шара) или проведения прямых через центр (в отношении круга), подобен другому сегменту, образованному посредством такой же операции. Наконец, звучит у Цицерона и третий аргумент – физический. Его суть в том, что если уже говорить о *движении* небесных тел, то его равномерность, постоянство и порядок обеспечиваются именно в *круговом* режиме, что создает в итоге шарообразную модель Вселенной.

Конечно же, первый аргумент легко поддается критике. Тезис о совершенстве шара и окружности, вытекающий из возможностей первой фигуры заключать в себе тетраэдр или куб, а второй – быть описанной вокруг треугольника или квадрата, парируется тем, что вписанный в тетраэдр шар, как и вписанная в квадрат окружность, – не суть нечто противоестественное. При этом почему-то последнее положение не рассматривается как проявление совершенства соответствующих форм. Вторым аргументирующий тезис выглядит уже серьезнее, особенно с оглядкой на то, что в эпоху античности обе линии философствования о гармоничности мироздания – 1) выводящая гармонию из принципа *антагонизма* противоположных начал; 2) фундирующая таковую принципом *подобия* – представлены достаточно значимо. Третий довод, как и первый, также небесспорен, ибо достаточно просто представить Вселенную в виде, к примеру, правильного конуса, вращающегося вокруг оси, проходящей через центр его основания и вершину. При этом окружности разного диаметра, получаемые в результате сечения этого конуса параллельно его основанию на разном расстоянии от ононого, могут быть рассмотрены в качестве орбит небесных тел. Не стоит при этом забывать и о том, что еще в начале XVII века Кеплером была обоснована эллипсоидность орбит небесных тел (это, разумеется, не является претензией к Цицерону, который о таковой еще не догадывается), что разрушает идею «превосходнейшей» формы круга и шара.

Вернемся, однако, к Цицерону. Он различает два вида «звезд» (т.е. небесных тел, включающих и звезды, и планеты), которые своим движением способствуют устроению цикличности мировых процессов. Направление движения одних неизменно – с востока на запад (мнимое впечатление, создаваемое реальным вращением Земли в обратную сторону). Вращение же других тел двойственно (видимая переменчивость достигается за счет того, что, с одной стороны, планеты совершают кажущееся движение вокруг Земли (в противоположном ее действительному движению векторе), а также, с другой стороны, действительно вращаются

вокруг Солнца). «Оба эти явления, – считает римский оратор и философ, – свидетельствуют как о вращении самого мира, которое было бы невозможно, если бы он не был шарообразной формы, так и о круговых орбитах звезд» [10, с.116].

Круговращение Солнца, Луны и пяти «блуждающих» звезд, под которыми подразумеваются планеты, создает вселенскую цикличность, выраженную понятием «великого года» (по аналогии с платоновским «полным годом»). Годичный круговорот Солнца формируется приблизительно тремястами шестьюдесятью пятью с четвертью его оборотов вокруг центра мироздания (поразительно, но в то время учеными была достаточно точно определена длительность астрономического года). Луна обращается вокруг Земли за период, несколько меньший месяца. Длительность круговорота «блуждающих звезд», по мнению Цицерона, составляет: Сатурна – около тридцати лет, Юпитера – двенадцать лет, Марса – два года без шести дней, Меркурия и Венеры – около года. Кстати, сам Цицерон не согласен с определением «звезд» как «блуждающих», ибо и в их поступательном, и возвратном, и прочих движениях прослеживается закономерность, что позволяет вычислять орбиты тел [10, с. 116–117].

При поверхностном взгляде небесные тела кажутся движущимися несогласованно по отношению друг к другу. Однако проницательный взор философствующих математиков позволил обнаружить в кажущейся аритмичности закономерность, выражающуюся в итоговой синхронизации вращений – в рамках уже упомянутого «великого года». Этот глобальный цикл исторического времени заканчивается, как утверждает Цицерон, «тогда, когда Солнце, Луна и пять планет, после того как все они прошли свои пути, займут то же взаимное расположение» [10, с. 117]. С этого же момента стартует следующий цикл мирового года. Насколько длителен период «великого года» – для Цицерона является «большим вопросом». Однако в другой своей работе, «О государстве» (XXII, 24), он конкретизирует, опираясь на исследования древнегреческих математиков, длительность этого цикла, – 12954 года.

Мы признаем справедливость претензий некоторых современных авторов (например, [5]) по поводу определенной искусственности дифференциации философских систем античности, сложившихся в понимании времени и соответствующего хода истории, а также попыток однозначного уложения учений в циклический или линейный подходы. В этом контексте чрезвычайно важным является преодоление узости истолкования историзма, который в подавляющем большинстве случаев рассматривается как принцип, лежащий в основании линейного подхода. Тем самым, идее цикличности фактически отказывают в праве быть осмысленной исторически. По этому поводу исследователь В. М. Строгецкий пишет, что в современной науке набирает силу принципиально иная трактовка понятия историзма, в результате чего этот принцип понимают «...как способ разграничения прошлого и настоящего с учетом признания нелинейного многовекторного развития и повторения временных циклов» [8, с. 358] (например – у Г. А. Антипова [1]). Таким образом, не являются противоречивыми работы, утверждающие существование историзма у античных авторов [2, 9]. Подтверждение своей мысли Строгецкий находит и в мифологическом наследии (например, мифе о Прометее), и в историческом знании (у Фукидида), и в философских идеях (атомизме Левкиппа и Демокрита, концепциях Полибия, Лукреция Кара и др. мыслителей) [8, с. 358–359].

Исходя из этого, мы не намерены в дальнейшем исследовании вдаваться в крайность обособления и резкого противопоставления указанных традиций философствования, кроме того, нами, по мере возможности, будут выявлены их взаимосвязанность и периодическое пересечение. И все же, мы будем следовать линии исследования каждой из них как самодостаточной. Таким образом, в ближайших работах нами будет подвергнут осмыслению линейный подход в понимании характера течения времени и становления исторического процесса.

Выводы

1. В статье в контексте осмысления исторических подходов в решении проблемы течения времени и исторического процесса выявлены и репрезентованы (на примере систем Платона и

Цицерона) философские проекции идеи цикличности.

2. Показано, что в платоновском учении доминирующей выступает именно циклическая картина времени. Платон использует два варианта обоснования цикличности времени и, соответственно, истории: космологический и метемпсихический. Космологическое понимание цикличности зиждется на послышке о созидании Космоса Демииургом в форме сферы, а также круговращении небесных тел и Вселенной в целом. Совпадение положения тел в отправной точке символизирует окончание одного цикла вселенского («совершенного») года и начало другого. Метемпсихический вариант обоснования циклического характера времени и исторического процесса выводится из платоновских представлений о сущности души и круговоротах ее перерождений.

3. Цицерон осуществляет дальнейшую разработку модели циклического времени древнегреческого мыслителя. Он утверждает, что Создателю угодно было запустить движение небесных тел в круговом режиме, а Вселенной в результате этого придать форму шара, поскольку шар и круг представляют собой идеальные объекты. В круговращении тел обнаруживается закономерность, выражающаяся в итоговой синхронизации вращений – в рамках «великого года» (по аналогии с платоновским «полным годом»), т. е. вселенского временного цикла.

4. Признавая искусственность дифференциации философских систем античности, сложившихся в понимании времени и соответствующего хода истории (циклический и линейный подходы), автор выражает намерение в дальнейшем их исследовании придерживаться срединной позиции, позволяющей как определить специфичность каждого подхода, так и выявить моменты их исторического слияния.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипов Г. А. Историческое прошлое и пути его познания / Г. А. Антипов. — Новосибирск : Наука, 1987. — 242 с.
2. Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы / М. Д. Ахундов ; Ин-т философии АН СССР. — М. : Наука, 1982. — 223 с.
3. Борхес Х. Л. Циклическое время / Хорхе Луис Борхес // Письмена Бога / Сост., автор вступ. статьи и прим. И. М. Петровский. — М. : Республика, 1994. — С. 92–96.
4. Никулина Н. Н. Истоки идеи прогресса в творческом наследии европейских мыслителей античности и средневековья / Н. Н. Никулина // Вестник Мурманского государственного технического университета. — 2011. — Выпуск 2, Том 14. — С. 410–417.
5. Ольсен Г. О циклической и линейной концепциях времени в трактовке античной и раннесредневековой истории / Г. Ольсен // Цивилизации. — Вып. 2. / отв. ред. М-А. Барг ; Ин-т всеобщей истории РАН. — М. : Наука, 1993. — С. 197–206.
6. Платон. Тимей / Платон ; пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева // Избранные диалоги / Платон ; сост. и коммент. В. В. Шкоды. — М. : АСТ, 2004. — С. 400–480 с.
7. Платон. Федр / Платон ; пер. с древнегреч. А. Н. Егунова // Избранные диалоги / Платон ; сост. и коммент. В. В. Шкоды. — М. : АСТ, 2004. — С. 195–254 с.
8. Строгоцкий В. М. Проблемы становления истории как науки в античности / Строгоцкий В. М. // Античный мир и археология : Межвузовский сборник научных трудов. — Вып. 12. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2006. — С. 351–362.
9. Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли / Э. Д. Фролов. — 2-е изд., испр. и доп. — Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. — 440 с.
10. Цицерон. О природе богов / Цицерон ; пер. с лат. М. И. Рижского // Философские трактаты / Цицерон ; отв. ред., сост. и автор вступ. статьи Г. Г. Майоров. — М. : Наука, 1985. — С. 60–190 с.